

точнославянизмов находим в списках «Мерила праведного». Так, если в списке БАН № 45.13.4 читаем: «И видѣхъ ключныя стража адовы стоаца у превеликихъ вратъ» (л. 361д), то в списке Троице-Сергиевском № 15 это же место передано следующим образом: «И видѣхъ сторожа адовныя, стояца у превеликихъ воротъ» (л. 38). Отметим, что в книге А. Вайана разночтения «Мерила праведного» в данном месте не приводятся.

Таким образом, как рукописная традиция текста краткой редакции, так и языковые черты большеинства ее списков делают наиболее вероятным предположение, что краткую редакцию славянской книги Еноха нужно признать памятником русского извода старославянского языка, относящимся к древнейшему его периоду. Тем самым устанавливается и русское, а не южнославянское происхождение перевода этой редакции.

Однако А. Вайан все же, вопреки непосредственной очевидности, считает возможным предполагать за русскими списками какой-то южнославянский протограф еще более древнего времени. Возникновение этого восстанавливаемого им протографа А. Вайан склонен был относить к X в. и приурочивал к Западной Болгарии. Основанием такого предположения для французского исследователя служили отдельные слова и грамматические формы, обнаруженные им в краткой редакции «Славянского Еноха». Большинство этих слов, считаемых А. Вайаном исконными и восходящими к архетипу, написанному первоначально на старославянском языке болгарского извода, не сохранились в тексте неприкосновенными. Эти слова были искажены или заменены другими, новейшими, в результате работы позднейших, русских, правщиков и переписчиков рукописей. Поэтому Вайан вносит в таких случаях свои достаточно смелые конъектуры, часто не вытекающие непосредственно из чтений, находимых в списках. При помощи подобных конъектур А. Вайан в большинстве случаев обосновывает свои выводы.

К словам этого рода А. Вайан относит, например, следующие: «елеи», «иереш», «о шуюю», «иждеконьнъ», «притранъ», «сыгрѣзитиса», «тимѣние». К числу искаженных переписчиками и восстанавливаемых им путем конъектуры он причисляет такие слова, как «етерь», «вънрадити», «оуядрити», а также частицу «оша». По мнению А. Вайана, эти слова показательны именно для предположительно восстанавливаемого им болгарского архетипа, лежавшего в основе русских списков апокрифа. Эти слова, как думает французский исследователь, не вошли якобы в русский извод старославянского языка.

Свидетельством о болгарском происхождении архетипа краткой редакции А. Вайан признавал также несколько грамматических форм, встреченных им в тексте русских ее списков. Сюда он относил, например, форму двойственного числа третьего лица с флексией «-сте»: «показасте», «указасте», «сътвористе», «омысте», когда речь идет о двух ангелах, сопровождавших Еноха в его странствованиях по небесным кругам. Причастие «погибляющими» и личная форма этого же глагола «гыблю» с эпентетическим «л» тоже признаются А. Вайаном за древние болгаризмы. К этой же группе языковых отличий отнесены им отмеченные еще М. И. Соколовым формы несигматического аориста: «отътръгу», «претръгу», «сѣдъ», «обрѣтъ», а также восстанавливаемые в конъектурах словоформы «придъ», «сънидъ» и некоторые другие. Признаком, указывающим более точно именно на западноболгарское происхождение памятника, А. Вайан считал такие слова и грамматические формы, как «оуядрити» и «етерь», как прилагательное «шоуни», вместо «левый», а также оборот «камо граду», вместо «камо иду». О таком же западноболгарском оригинале, по предположению А. Вайана, свидетельствует и употребление заимствованного из греческого языка слова «порода», вместо существительного «рай».